

ЮРСИЙ

25

ВСЕРОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК • ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1990 ГОДА • ЦЕНА — ДОГОВОРНАЯ

*Исаак
Ньютона*

ЯБЛОКА НЕ БЫЛО

Ниже приводим сокращенную запись спиритического сеанса, в котором участвовал великий ученый и мыслитель человечества сэр Исаак Ньютона. Эту информацию для «45» любезно предоставил санкт-петербургский медиум Герман, глава закрытого Ордена Белого Креста.

? Как вы оцениваете те портреты, по которым, собственно, и состоит нынешнее представление о вашей внешности?

! Они не парадные — скорее, наоборот. Их делали во время моей работы, а уже потом дорисовывали парадные одежды. Мне мои портреты не нравятся. На них я излишне серьезный, даже мрачный.

? Это что — происки ваших современников или пресловутая английская традиция?

! Скорее, первое. И даже не происки, а своеобразные исторические «шутки».

? Ощущаете ли вы то, что огромное количество школьников во всем мире часто произносит ваше имя с ненавистью?

! А как же! Более того, из меня делают карикатуры не только в школьных учебниках, но и в солид-

ных книгах, которые читают взрослые люди науки. Меня это нисколько не волнует.

? Хотели бы вы ответить на самую известную научно-историческую загадку, связанную с вашим именем?

! Да. Но, боюсь, мой ответ разочарует многих. Да и слушать вас никто не станет — «ненаучно». Яблока не было. Был другой эпизод, не такой показательный.

? Что вы подумали в тот момент, когда впервые увидели спектр солнечного луча?

! Я подумал, что мне этого не простят.

? И подтвердилось?

! А как же! Но эта история, к счастью, укрыта в несохранившейся части моей переписки.

? У вас было счастливое детство?

! Мне пару-тройку раз крупно везло, очень крупно. Я считаю, что все эти везения пришли на мои детство и отчество. Потом, дальше, я эти шансы только разрабатывал, «высаживал».

? Как вы оцениваете состояние современной фун-

даментальной науки? Физики, например.

! Я этим не интересуюсь почти. Мне интересно другое продуктивно ничего не делать. От этого, наверное, и родился миф о яблоке. Сидел, сидел — и осенило.

? Где вы предпочитаете бывать?

! В Скандинавии. Несколько раз кроме этого был в России. Но здесь излишне тепло и пыльно. Мне нравятся холодные горы и неразговорчивость.

? А почему сейчас вы так охотно отвечаете?

! Я получил хорошую весть — не зря наказан мой давнишний противник. Об этом можно прочесть в любой моей биографии, но подтверждение пришло только сейчас.

? С кем вы держите постоянный контакт? Есть ли у вас понятие «друг» и настоящие друзья?

! Нет. Я спокойно выхожу за пределы общества, кроме того, где есть художники. Отаратительный народец! Поголовные спесивцы...

? Какие женщины нравятся вам больше всего?

! Которые не любят читать и любят веселиться.

? Мы не обидели вас своими расспросами?

! Совершенно нет.

Подготовил Иван ДИОР.

Специально для «45».

Зиновий

Гердт

— Ваше любимое занятие?
— Трепаться с единомышленниками.

Юрий

Жикулин

— У нее на лице было настоящее счастье!
И я был счастлив, глядя на нее...

Борис

Заходер

— ...и тут же получил по носу. Так что Освальд убил Кеннеди, а кинолюбитель — меня.

Андрис

Лиепа

— Уже во второй раз ломаю ногу, и каждый раз выхожу из этого состояния на новый виток.

МОСКВА.

КРЕМЛЬ.

НИКУЛИН.

— Есть ли у вас любимое изречение, афоризмы?

— У меня несколько таких афоризмов, которые я заимствовал у Станислава Ежи Лепса... «В действительности все выглядит совершенно иначе, чем на самом деле». Или такой: «Жизнь отнимает у человека слишком много времени».

— Что вы цените в людях?

— Честность и доброту.

— Что не любите?

— Не люблю жадность, ложь и подлость.

— Какие недостатки вы склонны прощать?

— В известных ситуациях, наверное, все можно простить.

— А не прощаете?

— А не могу простить только измену.

— Есть ли у вас любимое занятие?

— Да. Я люблю жить.

— А развлечения?

— На первом месте — чтение. А еще я люблю слушать и рассказывать анекдоты.

— Что вы цените в мужчинах и женщинах?

— В мужчинах — мужественность, в женщинах — женственность. Это без всяких комментариев.

— Ваше отношение к семье?

— Положительное. Какой бы она ни была — удачной или неудачной, — все равно это продолжение жизни на земле.

— Что такое счастье?

— Лучше всего об этом сказал Назым Хикмет: «Счастье — это когда утром с радостью идешь на работу, а вечером с радостью идешь домой».

— А несчастье?

— Очень широкий вопрос. Каждый по-своему понимает, что такое несчастье. Для меня сейчас — это потеря близких людей.

— Вы были счастливы?

— Я считаю, что да. И много раз. Вообще, я человек неприхотливый, мне очень мало нужно для счастья...

Недавно на улице одна женщина кричала: «Какое счастье! Я купила колченогий колбасы по десять рублей!» У нее на лице было настоящее счастье! И я был счастлив, глядя на нее.

Вы знаете, у меня есть своя собственная концепция счастья... Если каждый человек сумеет сделать хотя бы одного-другого счастливым, то на земле все будут счастливы.

— Вы верите в судьбу?

— Да.

— А что такое судьба?

— Для меня это такая ситуация... По одной колее, ночью, из двух городов навстречу друг другу, выходят два поезда. Они несутся друг на друга, не зная, что едут по одной колее. И все-таки они не встречаются. Знаете, почему? Не судьба!

— Историческое событие, которое оказалось на вас наибольшее влияние?

— Мне недавно исполнилось семьдесят лет, и, когда я окидываю взглядом, что я пережил и чему был свидетелем, столько всяких исторических событий произошло! Но наибольшее влияние, конечно, война! Хуже этого ничего нет.

Знаете, у меня был знакомый режиссер — Александр Аронов. И когда он видел что-то плохое — пьесу, фильм, актера — не важно что, — он всегда говорил: «Хуже этого только война! Война — хуже всего».

— Если бы у вас была возможность облагодетельствовать человечество, то...

— В данной ситуации — я бы всех накормил.

— В какой исторической эпохе вы хотели бы жить?

— Я хочу жить сейчас.

— У вас был облазин другой жизни?

— Я бы очень хотел, но не получалось.

— Главная черта вашего характера?

— Мне трудно судить. Я буду счастлив, если обо мне потом скажут: он был добрый человек. Но это не значит, что я всегда добрый... Но доброта — на первом месте.

— Цель вашей жизни?

— Жить дальше.

— Вы бы хотели что-то в себе изменить?

— Я как-то над этим не задумывался. Нет, наверное...

СИМУЛЮРЮ БЛАГОДОЛУЧИЕ

ли бы оказаться и жить в ней?

— В следующей. Ну, хотя бы лет через пятьдесят...

— А как вы оцениваете нашу эпоху?

— Коля Глазков — был такой замечательный поэт, — он это уже сказал:

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый, век необычайный.
Чем он интересен для историка,
Тем для современника печальной...

— Вы бы воспользовались возможностью чем-то одним облагодетельствовать человечество?

— На весь свет, голосом Бога, я бы сказал: ОБРАЗУЙТЕСЬ!

На наших глазах происходят неразумные вещи... Люди в большинстве своем ведут себя неправедно, пытаясь играть на самых низменных чувствах толпы! А это самое простое в жизни и в политике...

— У вас не было соблазна другой жизни?

— Пожалуй, не было.

— Главная черта вашего характера?

— Симулирую благополучие.

— Что бы вы хотели в себе изменить?

— Пожалуй, все.

— Кем бы вы хотели стать, если бы не стали Гердтом?

— Учителем русского языка и литературы (пауза), в детском доме.

— То, что вы сделали в театре и кино, — останется?

— Вряд ли... Мелко, слишком мелко...

— Ваше отношение к смерти?

— Боюсь... Боюсь за остающихся близких.

— Какой смертью вы бы хотели умереть?

— Хорошо бы как эти мальчики двадцатого августа...

— Ваш любимый литературный герой?

— Пожалуй, Пьер Безухов.

— Человек, оказавший на вас наибольшее влияние?

— Александр Твардовский.

— Личным общением?

— Да.

— Ваше любимое воспоминание?

— Детство. Все детство.

— А какой-нибудь эпизод нельзя вспомнить?

— Нет, это слишком интимно.

— Вы верите в любовь с первого взгляда?

— А разве бывает другая?

— С вами случались чудеса?

— Все времена.

— Последнее?

— То, что сижу и с вами разговариваю — это тоже чудо. Потому что вчера, когда я ложился в постель спать, я не был убежден, что наш разговор состоится... Но мы разговариваем — разве это не чудо?

— Круг вашего общения?

— Очень узкий. В основном, ученые и литераторы.

— Можно назвать несколько фамилий?

— Можно... Хотя зачем? Мне кажется, это будет нескромно...

— Что вы цените в друзьях?

— Ценю то, к чему стремлюсь всю жизнь — натуральность. Но и разум, и знания.

— Какие вещи вы не прощаете даже друзьям?

— Я не прощаю вероломства...

— Два последних вопроса: какой вопрос вы хотели бы задать самому себе?

— Все мое отношение к себе — это сплошные вопросы. Каждую секунду — какие-то вопросы... А какого-то одного вопроса не существует.

— Насколько искренне вы отвечали?

— Надеюсь, что вполне.

Источник
nepo

Пролетарский «Огонек» образца 1926 под водительством Михаила Кольцова живописал приезд в Москву живой легенды: «Мэри и Дуга».

Солнечный Дуг и солнечная Мэри в результате до неузнаваемости изменили свой первоначальный цвет. Огнековские живописцы окунали свои кисти и в желтое, и в красное, и в коричневое...

Времечко...

«КИНО-ПСИХОЗ В МОСКВЕ»

«На днях кинематографическая Москва была охвачена своеобразным кино-психозом.

Москву посетила «сама Мэри Пикфорд», ежедневно с тысяч экранов дарящая свои улыбки, и ее жизнерадостный супруг, Дуглас Фербенкс.

На вокзале в день приезда американских «королей экрана» многотысячная толпа стремилась увидеть живых «Мэри» и «Дуга», как их фамильярно зовет весь мир.

Поклонники буквально осаждали гостей. Дело доходило до драк и членовредительства.

На Пикфорд и Фербенка смотрели как на «учителей», им задавали всевозможные вопросы, начиная с того, какие блюда они любят на обед, и кончая — «в чем смысл жизни?» Естественно, что во многих областях «Мэри» и «Дуг» оказались не очень сведущи. Иногда ответы их носили явно анекдотический характер.

Знатные иностранцы заявили в многочисленных интервью: во-первых, что они считают себя интернациональными, так как «принадлежат миру»; во-вторых, что они не чужды (!) учения Ленина и готовы учиться в области кино у великого учителя; в-третьих, что русский пролетариат бесконечно прав и мудр: надо любить простоту. Мэри Пикфорд и Дуглас Фербенкс любят простоту, но не менее любили (!) активность Ленина, почитают его память, любят жизнь и имеют страстное желание встретиться с Троцким.

И, как венец этого действительно детского ми-роюще-щения, — наивное заявление Фербенка:

— Я политикой абсолютно не интересуюсь. Ходят слухи, что мы фашисты. Это не так. Просто в Италии нас чествовали фашистские организации, и мы не хотели их обидеть и поэтому приняли их подношения и участвовали в банкетах, данных в нашу честь.

В распоряжении редакции «Огонька» имеется снимок, сделанный в Лос-Анджелесе, центре американской кинематографии. На снимке — Мэри Пикфорд, все с той же детской и непонимающей улыбкой, получает почетный знак от шефа американской полиции и звание «почетного полицейского» — в стране, где полиция не брезгует никакими средствами для борьбы с рабочим классом, отстаивающим права на жизнь.

Мы не верим в существование «внеклассового» искусства. Миллионеры Фербенкс и Пикфорд знают, на какую публику они работают — на мещанина-обывателя, ждущего от картины дешевой сентиментальности, в меру слез и много смеха, а главное — «радостного конца». К сожалению, Пикфорд и Фербенкс разменивают свои крупнейшие дарования для услаждения вкусов обывателя. Впрочем, эта любовь к «линии наименьшего сопротивления» и создала, быть может, такую завидную популярность. Будем верить, что их недолгое пребывание в СССР и знакомство с советским искусством даст толчок к новым путям творчества, на которых они смогут не только «увеселять», но и создавать действительно художественные ценности».

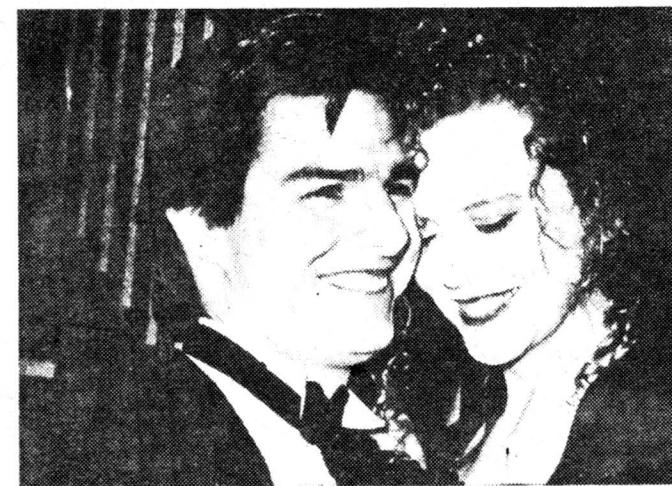
Американский кинорежиссер Спайк Ли, дебютировавший в качестве тореадора на любительской кориде, сумел каким-то не-понятным образом настолько умиротво-

«Человек с каменным лицом». Так называли одного из самых выдающихся комических актеров и режиссеров немого кино Бастера Китона, о котором был показан документальный фильм по четвертой программе Британского телевидения. Его настоящее имя Джозеф Фрэнсис, а Бастер («Увалень») — прозвище, данное ему знаменитым американским иллюзионистом начала столетия Гарри Гудини за непревзойденное искусство «неуклюжих падений».

«Белфаст телеграф».

рить своего быка, что тот проникся к нему самыми дружескими чувствами. «Это у меня с детства, — объясняет Спайк, росший в криминальной среде в Бруклине, — я всегда умел ладить с «быками» (прозвище полицейских в США).

«Тайм интернэшил» (Амстердам).

35-летняя американская киноактриса Эллен Бэркин, по шутливому выражению одного из критиков, «вызывает рост преступности». В большинстве фильмов с ее участием она либо сама вступает в конфликт с законом, либо толкает на путь правонарушений других. Лента «Большое легкомыслие» — одно из редких исключений. Здесь Эллен Бэркин выступает в роли женщины-следователя.

«Зексише цайтунг РТБ» (Дрезден)

Премьера
рубрики

КИНА
не будет?

Киноактриса Николь Кидмэн сообщила репортерам, что ее брачный союз с Томом Крузом представляет собой «гармоничный альянс единомышленников». «...Нас объединяет не только общность взглядов на жизнь и на нашу профессию, — пояснила она, — но и общая любовь к таким видам спорта, как прыжки с парашютом и водные лыжи».

«Нью Айда» (Мельбурн).

Опрос голландских телезрителей показал, что из актрис наибольшей популярностью у них пользуются Настасья Кински в фильме «Отель Нью-Гэмпшир» английского режиссера Тони Ричардсона и Долли Парсон в фильме «Самый лучший маленький бордель в Техасе» режиссера Колина Хиггинса.

«Телеграф» (Амстердам).

Испанское телевидение показало документальный фильм о знаменитом англо-американском кинорежиссере Альфреде Хичкоке (1899—1980), поставившим такие фильмы, как «Шантаж» (1929), «Психоз» (1960), «Птицы» (1963) и др. Несмотря на проблемы с избыточным весом, Хичкок, по его собственному выражению, был «неисправимым гурманом».

«Синема» (Мадрид).

— Почему при всей вашей популярности вас так мало видят ваши читатели?

— Мне нравится ваш первый вопрос, потому что он меня самого до некоторой степени интересует. Удивительно, но может показаться несколько странным, что, когда тиражи книг достигли таких размеров, что о них уже неприлично говорить, когда несчастных детей заставляют в школе (к моему большому ужасу) читать мои стихи как «пособие для внеклассного чтения», когда героя мультфильмов кают с экрана на экран — я, тем не менее, действительно остаюсь как бы за кадром. Мои книжки, пьесы, фильмы живут сами по себе — без меня. Например, при каждом удобном и неудобном случае стараются втиснуть слово «перевод», хотя это и не перевод, а самостоятельная авторская работа. Скажем, приписывают моему любимому Милну стихи, которые сочинил я много лет спустя после того, как Винни-Пух приобрел свою первоначальную английскую форму.

Этот вопрос еще и потому хорош, что на него можно дать несколько вариантов ответа. А самым лучшим, по-моему, будет такой: встретились однажды Константин Симонов и Михаил Светлов. И вот Светлов спросил: «Костя, почему у тебя всегда так много денег, а у меня никогда?» И вот Симонов ответил: «Знаешь, Миша, это сложный вопрос, мне требуется время, чтобы хорошоенько все обдумать». Проходит какое-то время, они встречаются вновь, и Симонов как бы продолжает прерванную беседу: «Знаешь, Миша, я пришел четкому выводу: некоторым людям свойственно иметь деньги, а некоторым — нет». Понятно, что это писательская байка, но в ней очень правильно расставлены акценты. Так вот, я принадлежу как раз к тем людям, которым свойственно быть безвестными. Но возможен и другой вариант ответа. Вот недавно в «Огоньке» опубликовали несколько моих новых вещей, и от редакции было написано несколько добрых слов обо мне. «Спасибо вам, дорогой Борис Владимирович, что за 50 лет вашей творческой деятельности вы не написали ничего такого, за что бы вам могли дать премию, сделать вас членом редакции или хотя бы посадить в президиум». Очень симпатично.

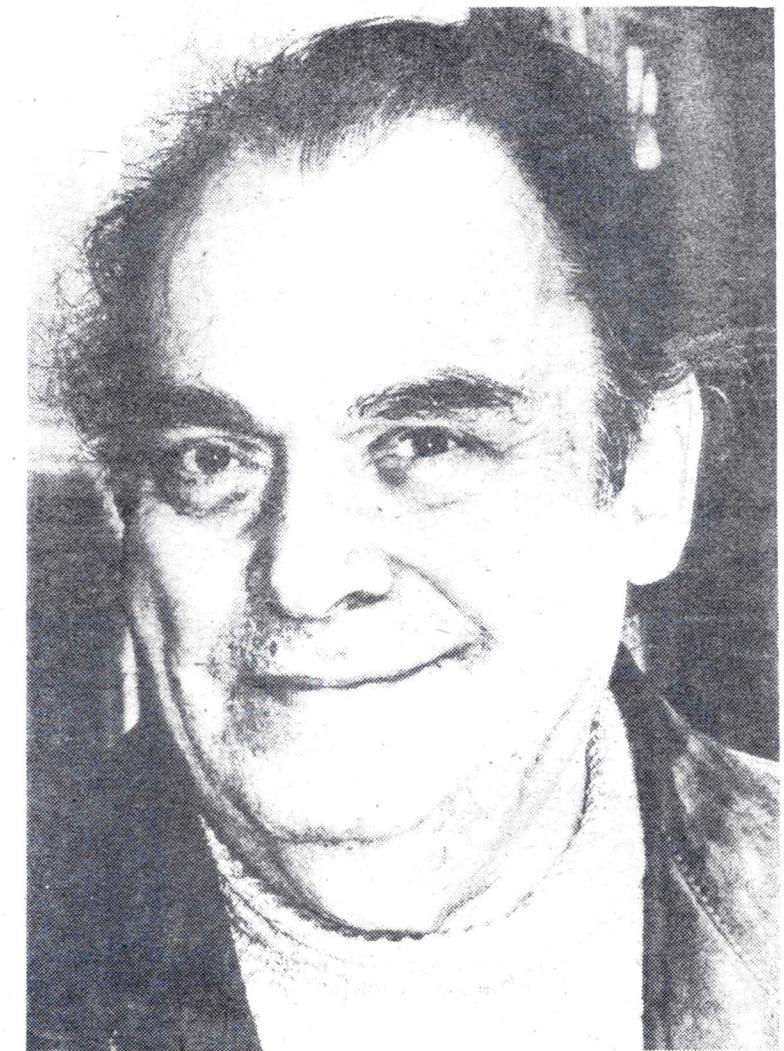
— Когда я звонил вам по телефону, договариваясь о нашей встрече, вы спросили: «А о чём мы будем

— не вырубишь топором. Так что касается компьютера, то она по отношению к нему совершенно неправильна. Он все «вырубает», все легко передвигает, убирает, стирает, потом все может возвратить в первоначальное состояние. Он все делает шутя. У меня в первое время было такое ощущение, что я залез в собственную голову и смотрю, как в ней все шевелится. С компьютером произошел известный скандал — об этом даже в прессе писали. Дело в том, что его у меня сперли в Штатах. Эта история дошла даже до американского посла в Москве. Но все обошлось само собой, только с маленькими приключениями...

— Расскажите, пожалуйста, как вы ездили в Америку.

— Меня три года подряд приглашала к себе общественная организация «Международная писательская программа», которую создали 20 лет назад известный американский поэт чешского происхождения Пок Энгл. Его за эту инициативу даже выдвинули на Нобелевскую премию. Программа работала при университете штата Айова. Туда приглашаются писатели из разных стран. Им оплачивают дорогу, берут на полное обеспечение и предоставляют самим себе. Делайте что хотите: беседуйте, знакомьтесь, если понравилось вам чье-то творчество — пожалуйста, переведите, выступайте со своими рассказами, воспоминаниями, стихами. Я, например, показывал мультифильмы, снятые по моим сценариям. Там были писатели из Бразилии, Испании, Уганды, Польши, Нигерии, Ямайки. Жил с нами, как мне казалось, индонезийский принц со своим гаремом. Все было очаровательно.

Союз писателей отпустил меня только на третий год, но устроил так, чтобы я опоздал на месяц. Поселили меня в студенческом общежитии, как «обычного» студента, в прекрасной четырехкомнатной квартире вместе с писателем из Южной Африки Леонардом Коза. Очень талантливый и славный человек. Начать надо с того, что он встретил меня с пустой четвертной бутылью и сказал, что он ее приготовил к моему приезду, но не дождался и выпил все сам. Вначале я так и не мог понять, что означает его фамилия, которая приводила в неописуемый восторг чешского и двух польских писателей. На их языках это действительно просто коза, но для нашего слуха фамилия Коза звучит несколько отстраненно. И только потом я сообразил, что

— новая война, на которую я тоже ушел добровольцем. На нее мне пришлось быть долго, очень долго.

— У вас было высокое офицерское звание?

— У меня было мелкое офицерское звание — старший лейтенант. Демобилизовался в 46-ом, а у меня не были сданы два курса. Я их сдал за год. Вот и получилось девять лет учебы.

До войны и во время войны публиковал стихи, разную чепуху, сотрудничал в многотиражках. Но писать серьезно начал, когда закончил Литинститут.

— А есть ли у вас стихи о себе, о своих корнях?

— Нет. То есть есть! Это стихотворение, которое называется «Заходеры». Я его тоже очень долго нигде не печатал.

В Москве и в Рязани,
В Стокгольме и в Риге,
В Париже, в Берлине
И даже в Нью-Йорке
Толстенные
Телефонные книги
Я изучил
От корки до корки.
Во всевозможных
Бюро и конторах,
Включая справочные киоски —
Я понапрасну
Тратил свой порох
В поисках
Однофамильца и тезки.
Расспрашивал
Пио-
И пенсионеров.
Пока от расспросов
Язык мой не высох.
Нигде —
Ничего.
Никаких Заходеров,
А что уже там
говорить о Борисах...

Так вот, не успело это стихотворение появиться в печати, как я был сейчас же наказан за свою самонадеянность. Я был немедленно разоблачен, и вся моя концепция развалилась. В тот самый день, когда было опубликовано стихотворение, в газете «Известия» появилась статья одного специалиста, мастера спорта по стрельбе, откликнувшегося на фильм Оливера Стоуна «Дж. Ф. К.», в котором выдвинута новая версия об убийстве Кеннеди. Автор статьи доказывает, что Освальду вполне хватило времени, чтобы за те секунды произвести три прицельных выстрела. При этом он ссылается на кинохронику, снятую единственным кинооператором... по фамилии Заходер! Раз в жизни попробовал немножко похвастать своей редкой фамилией и тут же получил по носу. Так что Освальд убил Кеннеди, а кинописатель — меня.

— А как живут ваши книжные герои вне книг?

— Хорошо живут. Лучше нас с вами. Вот забавная история произошла с Винни-Пухом. В Штатах я рассказал корреспонденту журнала «Америка», что Винни-Пух так популярен в России, что было время, когда он в одной радиопередаче учил наших детей русскому языку. Через полгода получаю журнал, в котором рассказывается, что Винни-Пух учит наших детей английскому языку! Никак не мог поверить этот журналист в такую его популярность.

— Последний вопрос. Винни-Пух очень любит варенье. А вы?

— Ни варенья, ни меда. От них портятся зубы...

В гости к писателю Борису ЗАХОДЕРУ
ходил по утрам собкор «45»
Вячеслав ЛОБАЧЕВ.
Б. З. запечатлевал
Алексей ДЕНИСОВ.

— Если кто-нибудь намерен аплодировать, — сказал Иа, прочитав все это, — то время настало.
Все захлопали.
— Благодарю вас, — сказал Иа, — я приятно удивлен и тронут, хотя, возможно, аплодисментами не хватает звучности.

дем разговаривать?» — Я ответил: «О детской литературе». И сразу же получил — «А что такое детская литература?»

— Литература одна. Если это литература. И, если вы позволите, я (для полной точности) отвечу стихами. У меня, как и у замечательного поэта Коли Глазкова, есть стихи практически обо всем на свете. В том числе и о литературе для детей. Это стихотворение, кстати, еще нигде не публиковалось. К нему — два эпиграфа!

СОБРАТЫ

У меня работа спешная: для потомства.
(Жюль Ренар).

Потом — суп с котом.

(Русская народная мудрость).

Ты пишешь для потомства?

Баловство!

За это не похвалит современник.

Да-с, для тебе подобных у него

Ни лишней славы нет, ни лишних денег!

Он, современник, верно говорит:

— Тут на своих — и то, глядишь, не хватит!

А если для потомков кто творит —

То пусть они ему — потом! — и платят!

Но что блаженства ранние потом,

Когда сейчас — не любят и не ценят?

Боюсь, и легендарный суп с котом

Сегодняшней похлебки не заменит!

Так как же быть?

Творить для всех времен?

Но этот путь... Не всем доступен он.

А можно так:

Пиши стихи и сказки

Для тех, кто и потомки

И сейчаски!

— Как же вы их сочиняете?

— Я всегда утверждал, что стихи, особенно для детей, надо писать так, как будто не изобретено не только книгоиздание, но и письменность. Иными словами — так, чтобы они запоминались. Банальная мысль, но это действительно так. Всю жизнь я придерживался такой тактики написания стихов. Я даже старался их не записывать, старался запоминать. В конце концов различные варианты выкипали из меня до такой степени, что оставался тот — единственный. Мне кажется, что запоминаемость — это очень серьезное достоинство стиха. Если стихи не запоминаются — значит, зря старался.

Я удивлялся верлибристам, которые

Без рифм,

Без ритма —

Пишут, с детской верой,

Что это — белый стих.

А вдруг он — серый?

Я же люблю рифму, хорошую форму. Правда, в последние годы я нарушил свою устою — начал работать с компьютером. Он, увы, слишком легко все запоминает. В этом я вижу и некоторую опасность: может оказаться на качестве. С ним очень удобно общаться, гораздо удобнее, чем с пишущей машинкой. Я просто печатаю и вижу написанное на экране дисплея. Знаете пословицу: что написано пером

ПЯТИГОРСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
ТОВАРНО-ФОНДОВАЯ БИРЖА

делать

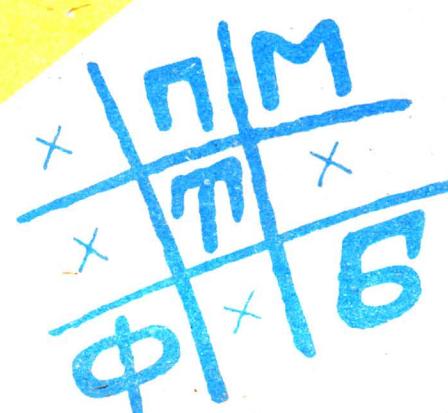
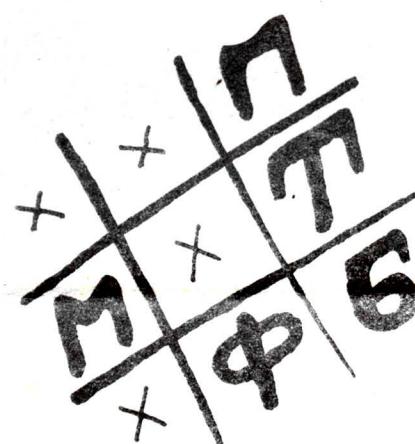
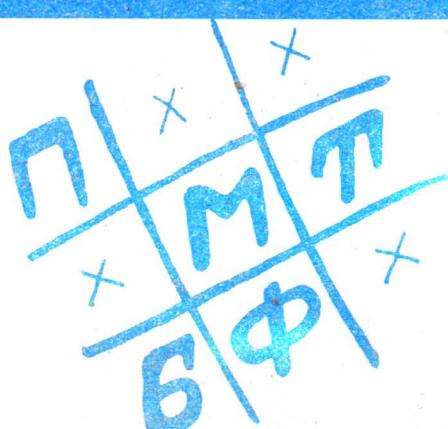
жизнь

лучше

Продолжается продажа брокерских мест за рубежом: в США, Канаде, Англии, Австралии, Турции, Новой Зеландии, Сингапуре

Цена брокерских мест за короткий срок возросла до 300 тысяч рублей, в валюте — до 15 тысяч долларов

— Брокерские конторы в Москве, Киеве, Калининграде, Магнитогорске, Ульяновске, Ростове-на-Дону, в городах и районах Ставропольского края

— Обеспечивается срочная телефонная связь по специальным каналам со всеми регионами Содружества

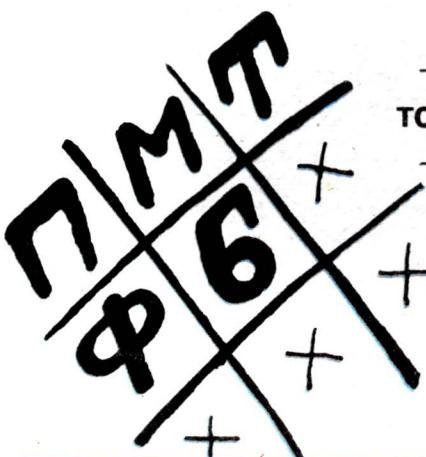
— 0,2 процента — самый низкий биржевой комиссионный сбор на юге России

— Лицензия Российского правительства на право международной биржевой торговли

— На торгах представлены: зерно, сахар, металл, топливо, лес, бытовая техника, одежда, обувь, электроника и т. д.

— Контрольный пакет акций у иностранных инвесторов. Всем заключенным сделкам обеспечивается международный уровень гарантий

— Проводит синхронные электронные торги в Москве и Железноводске
— Уставной фонд — 125 миллионов рублей

Заявки на участие в торгах принимаются по биржевым каналам:
г. Пятигорск: тел. 5-77-73
г. Железноводск: тел. 44-70
г. Москва: тел. 196-44-95

работа
игручи

Мартин знал: снова осень, ведь пес в дом привнес стужу, ветер, дух попадавших наземь, в сидр забродивших яблок. В темной шерсти, торчком, — золотарник, прощай—лето, желудевые скорлупки, пушок с белки, улетевшей малиновкой оброненное перышко, опилки свежерасплененных дров и, будто угли, пламенеющие листья клена. Пес — прыг, и ломкий папоротник, ежевика, болотная трава градом на кровать к Мартину, кричавшему. Верю, верю: чудный зверь явился — октябрь!

— Сюда, сюда, Бой!

И пес пристроился возле Мартина, грел его яркими и тусклыми полыханиями осени, наполняя комнату всеми — неуловимыми и крепкими, сырьими и прокаленными — запахами далекого странствия. Весной он благоухал сиренью, ирисами, подстриженной, с газонов, травой, летом прибегал — усы в мороженом, — насквозь пропитанный дымом отгоревших фейерверков. Но осенью, осенью.

— Пес, что там делается?

И пес, не подымаясь, давал ответ. Не подымаясь, Мартин обретал осень, как прежде, до болезни, выбелившей набело мальчишеское тело в простилях. То был его посыльный свещемщиком, подвижная его половина, псу он командовал: сбегай, найди, принеси жизнь, какая она на ощупь сейчас в городе и в полях, у ручья, реки, озера, внизу в подвале, на чердаке наверху, в чулане, в угольном сарае. И сто раз на дно семечки ему, зола, молочай, конские каштаны или аромат тыквы с пылью с жару. Пес сновал членоком, и узор ткущейся жизни — в шерсти торчащей: протяни только руку...

— А сегодня утром куда умчал?

Мартин знал, куда мчался обычно пес вниз по склону, где осень раскинула скатое поле, где могильными холмиками сгрудились дети, листвой прикрытые и чутко мертвые. Дрожали пальцы Мартина, щупавшего густую шерсть, читавшего про дальний путь. Про путь через живые, над блестящим в овраге ручьем, по мраморному покрову кладбища — в лес. Особой порой, духмяной и благовонной, Мартин будто сам обежал округу и вернулся домой.

Дверь в спальню открылась.

— От этого пса твоего опять неприятности. Мать внесла на поднос фруктовый салат, какао, гренки; голубые глаза свернули.

— Мам...

— Все б ему в земле рыться! Утром в саду застала мисс Таркинс. Ну и шумела она! Уже четвертая яма на этой неделе!

— Может, что ищет...

— Чушь! Тоже ищетка! Не будет сминым, под замок посаживать!

Мартин взглянул на нее — чужая.

— Только не под замок! Как я узнаю про все на свете? Как — если пес мне не донесет?

Голос ее потепел.

— Тебе он — доносит?

— Он из дома, в дом — и все — мне выложит.

Вдвоем они засмотрелись на пса и на землю, вперемешку с семенами, на стеганом одеяле.

— Ну, перестанет рыться, где не следует, пускай бегает, — сказала она.

— Сюда, Бой, сюда!

К ошейнику Мартин прикрепил из жести полоску с надписью крупными буквами: «Мой хозяин — Мартин Смит. Ему десять. Он тяжело болен. Навестите, прошу!»

Пес залаял, и мать открыла дверь, выпустила его.

Мартин сидит, прислушивается.

Далеко убежал пес по тихому осеннему дядичку. Чуть слышен, вот яснее и опять глухие лай. Это пес из переулка, направляясь, через лужайку бросился к мастерской мистера Холлоуэя — доставить его вместе с промасленным металлическим запахом кружевных внутри, точно ворох снежинок, часов, что тот ремонтирует. А может, пес вернется с мистером Джэкобсом, бакалейщиком, у него одежда пропахла салатом, сельдереем, помидорами, а еще — упрятанным в консервные банки загадочным запахом красных чертят, нарисованных на этикетке с надписью «Чертовски пикантный окорок». Мистер Джэкобс с его красномясными невидимками-чертятами часто манил пса — лавка рядом. Пес приводил мистера Джэкобса, миссис Гиллеспи, мистера Смита, миссис Холмс, любого друга-соседа — встретит, загонит в угол, на задних лапах упросит и, разполнованного, наконец, приведет в дом к завтраку или чаю с печеньем.

И вот услышал Мартин пса и следом шаги под легким дождичком. Звонок зазвонил, мать открыла, внизу зашептались. Мартин с улыбкой поднялся налевостречь. Ступеньки на лестнице скрипнули. Негромкий молодой женский смех. Это же мисс Хайт, конечно, она, его школьная учительница!

С спальню дверь распахнулась.

— Мартин, гостья.

Утро, полдень, вечер, восход и закат, солнце и луна сменяли друг друга, и верный пес

доносил нагрелись земля и воздух — остывали, он доносили краски деревьев и трав, густоту тумана, упругость дождя, но важнее всего — приводил снова, снова и снова мисс Хайт.

В субботу, воскресенье, понедельник она Мартину приносила с апельсиновой глазурью кексы, самой испеченные, и библиотечные книжки про динозавров, пещерных людей. Во вторник, среду, четверг он почему-то обыграл ее в домино, она почему-то в шашки ему проиграла, того и гляди, забеспокоилась, он ее в шахматах обойдет. В пятницу, субботу, воскресенье они говорили — наговориться не могли, она была такая молодая, улыбчивая, красивая, волосы ее — мягкая светлая медведь, как осень за окном, а шаги — чистые, четкие, быстрые — в студеный полдень — согревали сердце. Еще она знала тайну примет, разбирала, толковала пса — все, что отыскивали в его шерсти ее чудные руки. По этим скривицам, закрыв глаза, тихо смеясь, как цыганка, она вешала про целый свет.

А в понедельник, в полдень, мисс Хайт умерла.

Мартин с трудом сел в кровати.

— Умерла? — прошептал.

Умерла, говорила мать, да, умерла, погибла в автомобильной катастрофе в миле от города. Умерла, умерла, для Мартина это — холод, безмолвие, белая зима до поры. Смерть,

дорогой, а в сумерках — домой, заливаясь лаем, от которого звенели оконные стекла.

В самом конце октября пес как поччял: ветер переменился, подул с чужой стороны. Замер, дрожа, внизу на веранде, замер и воет, уставившись на пустырь над городом. И гостей к Мартина не приводил. Каждый день, замерев, стоял часами, будто привязанный, стоял, дрожал, потом с места срывалялся, словно на зов. И каждый день к ночи возвращалась все позже, никого не ведя. Каждую ночь Мартин все глубже проваливался в подушки.

— Ну, заняты люди, — говорила мать. — Времени нет — упса ошейник разглядывать. А может, собирались прийти, да забыли.

Но еще лихорадочный блеск был в глазах у пса, а nocturno во сне он скучил. Он дрожал во тьме под кроватью. И так странно порой полночи стоял, на Мартина глядя, будто невозможный секрет псу открылся, но пес не знал, как о нем рассказать, и только свирепо стучал хвостом или бесконечно кружил по комнате, не ложился, кружил и кружил.

В предпоследний день октября пес убежал — не вернулся, после ужина даже, когда Мартин спыхал, родители звали пса, звали. Ночь пришла, улицы опустели, ветер холодный заставил над домом, и никого, никого.

Поздно, за полночь, Мартин лежит, за холодные стекла смотрит. Осеня уже нет — нет

его, пожелали спокойного сна и улицей, по-церковному тихой, направились в кино. Мисс Таркинс, соседка, в зале внизу оставалась, пока Мартин не прокричал, что спит, и тогда она вязание понесла домой.

В тишине Мартин лежал, следил за неспешным ходом звезд по чистому лунному небу, вспоминая вечера, когда он пес — впереди, то позади, то рядом поблизости — обегали городок: вот зеленым плющевым оврагом, вот, шлепая, сонным ручьем, молочным под полной луной, прыжком над мраморными, на кладбище, плитами, а губы его шепчут мраморные имена, дальше, скорее дальше, через безмолвные скошенные луга, где только звезды, высокие, и трепещут, — на улицы с тенями, что не отступят, теснятся тротуарами миля за миля. Скорее, скорее, вдогонку и наутек от горького дыма, тумана, ветра, призрака памяти, воспоминаний чудища — скорее домой: в укрытие, в тепло одеяла, в сон...

Девять.

Быть часы. Усыпляя — из колодца лестницы глубоко внизу. Быть часы.

Вернись домой, пес, и верни с собой жизнь. Пес, чертополох принеси, весь в инее, ветер один принеси. Пес, где ты? Слышишь, зовут тебя.

У Мартина дух захватило.

Вдали где-то — звук.

Мартин, дрожа, приподнялся.

Снова звук, снова.

Тихий — будто острой иглой по небу проскребли мили и мили вдали.

Смутное эхо — голос пса.

Голос пса, минующего поля и фермы размокшими дорогами, кроличьими тропками, вперед, вперед бегущего, оглушительным лаем взрыва безмолвие ночи. Вперед, кругами вперед, вот он, звук — и пропал, громче — затих, разлился — и замкнут, приблизился — отдался, будто зверь на цепи у кого-то — немыслимо длинной. Бежит пес, но этот неведомый кто-то, в могильной смоляной, лунной тени бредя под каштанами, свистнет, и пес метнется назад, а потом снова вперед, к дому.

Пес, домой, твердил мысленно Мартин, домой, Бой! Где же ты был? Давай, улизни!

Пять, десять минут, пятнадцать, ближе, вот рядом лай, звук. И — в крик Мартина, с кровати схватился — к окну. Пес! Слышишь, Бой! Пес, ой, пес! Повторял он и повторял. Пес, дурной, убежать и столько дней не являться! Злой пес, добрый мой пес, домой, домой, Бой, скорее домой, и принеси что сможешь!

Ближе, ближе по улице лай — отдает в деревянных фасадах, жестяных петушков вспомнили на выбеленных луною крышиах. Заливается пес! И вот — у двери внизу...

Мартин трепещет.

Сбежать вниз — впустить? Или ждать мать и отца? Ждать? Господи, ждать? А вдруг пес опять убежит? Нет, спуститься, дверь распахнуть, схватить пса в охапку и — вверх по ступенькам, вверх скорее, скорее, плача, смеясь, прижимая крепко этого...

Пса лай — затих.

Эй! Вглядываясь, чуть не выдавил Мартин стекло из окна.

Тихо. Будто кто-то псу приказал: замолчи теперь, замолчи, замолчи.

Минута прошла. Мартин сжал кулаки.

Внизу — тихий вой.

И, медленно, дверь внизу отворилась. Сжалась кто-то — псу дверь оторвал. Ну конечно, привел пес мистера Джэкобса или мистера Гиллеспи, мисс Таркинс или...

Дверь внизу затворилась.

Пес по лестнице — вверх и, скрипя, кинулся на кровать.

— Пес, пес, где же ты был, что делал? Пес, ой, пес!

И он крепко и долго пса прижал, залившись слезами. Пес, ой, пес! Он смеялся, кричал. Пес! Но вдруг перестал смеяться и плачать.

Отпрянул. Зверя держал и смотрел на него распахнутыми глазами.

Запах пса был чужой.

От чужой земли запах. От ночи в ночи, от глубокой ямы в тени земной возле спрятанного давно, давно сгнившего. Зловещий, зловонный падал, комьями, прах с морды пса, лап. Пес землю взрыл глубоко. Глубоко. И это — это — это...

Это какую весть пес принес? Что значит — зловонная, близко, так близко, страшная кладбищенская земля?

Пес, дурной, роется, где не следует. Пес же умный, находит друзей. Пес любит людей. Пес приводит их в дом.

Шаги во тьме на лестнице, шаги: один отмерен, тягостный, тягучий, и вот еще один, медленные, медленные, медленные шаги.

Пес дрожит. И — лавиной чужая, из тьмы, вскипая, земля падает на кровать.

Поворачивается пес.

В спальню дверь поддается

Мартин, гостья.

Перевела с английского
Наталия ПАДАЛКО.

Обратите внимание на рубрику: Only for us.

тишина, холод и белизна. Мысли кружили, оседая, обращались в шепот.

Мартин прижал пса и, к стене отвернувшись, думал о ней — с волосами, как осень. О ней, что смеясь, не высмеивала, что следила глазами за ртом своим, ловила каждое свое слово. О ней — из другой половины осени жизнь донесшей, не донесенную псом. Пульс в неподвижности серого полдня. Пульс замирающий...

— Мам, что они делают там, на кладбище, под землей, мам? Просто лежат?

— Лежат.

— Лежат? И все? Весело!

— Какое тут веселье?

— А почему б им не выбраться, не побегать, когда устанут лежать? Неразумный Господь...

— Мартин!

— Ну, а зачем Он с людьми так: лежать и все. Это же не вынести. Никто этого не может. Я раз пробовал. Пес пробовал. Я ему приказал: лежать, пес. Ну, замер он ненадолго, а потом устал, заскучал, хвостом завилял, один глаз на меня открыл, смотрит. Бой, спорим, иногда и они, на кладбище, то же самое делают, а?

Пес залаял.

— Чтобы я таких разговоров больше не слышала! — прикрикнула мать.

Мировая звезда. Заслуженный артист России. Танцевал всю классику балетных партий. Для него написаны новые спектакли. Андрис Лиепа. Молодой человек тридцати лет из известнейшей семьи. Принят в самых изысканных группах. Женат на гражданке США.

— Я — типичный Козерог, — говорит Андрис. — Типичный. Очень чувствую свой знак, знак, который может работать, несмотря на трудности, то есть «без света в конце туннеля». Свет приходит через год, два, три. У меня пришел через звезды.

— Вам, Андрис, приходится так часто жить на высшем гребне эмоций — не всякий человек это выдерживает...

— Я думаю, эти эмоции и есть само бытие. Высшая эмоция, до которой некоторые не доходят за всю свою жизнь.

— Вы не так давно дебютировали в кино, в «Любви до смерти» режиссера Валерия Харченко. А что? Раньше не было предложений сниматься?

— Были, конечно! Даже в Америке. Но я никогда ранее не мог оторвать так много времени у балета. А теперь я станцевал почти все, что хотел в классическом балете, да и не так много у нас создается новых балетных спектаклей. И к тому же в гастрольном расписании у меня выдался свободный месяц. Так что на предложение режиссера я смог согласиться. Кстати, видимо, узнав о том, что я начал сниматься в кино, мне предложили роли еще нескольких режиссеров.

— Во время съемок в фильме «Любовь до смерти» вы работали без дублера: дрались, убегали от погони по крышам вагона движущейся электрички. Почему вы рискуете? Не боитесь?

— Если мне суждено поломаться, я поломаюсь. Я сломал ногу год назад в Дании на четыре месяца «вылетел» из балета. Я очень много думал эти четыре месяца, анализировал. Уже во второй раз ломая ногу, и каждый раз из этого состояния выхожу на какой-то новый виток. Я очень много работаю четырех-пять часов в день физической нагрузки, все эмоции уходят на это — нет времени подумать о чем-то ином. А тут три с половиной недели я только и делал, что лежал и думал. Вот вы меня спросили, не боитесь ли я сильных эмоций? Это и есть жизнь, когда ты, во-первых, можешь вызвать эту эмоцию, а потом отдать ее другому. А где заряжаться энергией?

Вы знаете, что я уехал. И я работал у Башникова, в труппе Баланчина. Очень хорошо чувствую себя там, живу. Но я нечувствую там этой энергетики, какую ощущаю здесь. Надо сказать, я всегда любил Москву и не любил Петербург. Ведь города строились в месте наибольшего благоприятствования энергетических зон: закладывались церкви и монастыри. А Петербург построен там, где никогда его не должно было быть. В общем-то, он построен на костях, и фактически это огромное кладбище, на котором вырос город. И мне казалось, что это очень тяжело. Приезжая сюда, две-три недели я

просто «загибался» в Питере. Может быть, другим здесь и ничего, но для балета очень трудно. Громада давит. А не так давно случилось уникальное: я вдруг почувствовал этот город во время необычно позднего бабьего лета в октябре. Почувствовал, может, потому, что целый месяц я работал здесь не как обычно сильно физически, а эмоционально. Вовремя съемок фильма.

Совершенно такие же фантастические ощущения я испытывал на Сицилии. «Байдарку» я танцевал на открытом воздухе в лунном свете. Всем своим существом ощущая просто потоки энергии сверху. И отдавал их зрителям. Природа, музыка, спектакль...

— Профессия танцовщика скоротечна. Что дальше?

— Я не говорил вам еще, что люблю ле-

расным образом обходился»...

— Потому я решил стать независимым от системы. Она перестает «кусать» независимых. Я знаю людей, которые считались в нашей системе плохими. Там, на Западе, они оказывались совершенно нормальными. Делали добро и хотели делать добро. Я понимаю, почему они здесь были «черными», а там становились светлее. Система...

— Ваш профессионализм настолько впечатляющ, что сложно найти человека, который видит ваши ошибки.

— О, мои ошибки увидит каждый! Я иду ма, что у меня есть опыт читать по чужим разговорам — ошибки это или не ошибки.

— А что еще, кроме профессионализма, вы цените?

— Очень уважаю людей, у которых есть дела в жизни. Есть люди, очень много филю-

ПРИНИДАМИ РОЖДАЮТСЯ, НО ОН ВЫЛЕПИЛ СЕБЯ САМ

софтверные и умные, говорящие очень правильные вещи, но мне всегда трудно в них поверить, если человек ничего сам не сделал. Я люблю труд, он не только облагораживает, но и делает человека.

— Похоже, все, чем вы занимаетесь, вы стараетесь делать профессионально. Вот и впервые снимаясь в кино, вникали в самые разные, не только актерские «тонкости», но и операторские, и режиссерские «секреты».

— Хочу быть готов к тому, что, если у меня окрепнет идея самому сделать фильм, я должен знать, как это делается.

Мне очень интересен материал, который получается во время съемок. Снимаю многое на свою видеокамеру, чтобы сразу же посмотреть результат. Собственно, так же поступаю и в балете. Мне интересно наблюдать, как по кусочкам строится характер героя в кино. Я развожу и своюю своего героя со всеми остальными в неясном пока для зрителя моменте, дорисовываю для себя историю каждого.

— А кто же вас этому научил?

— Думаю, это пришло незаметно. Я очень много учился, в смысле, наблюдал: все время отец был перед глазами. Он меня не учил специально, меня никто не учил специально, как надо одеваться, никто не подсказывал, как мне надогримироваться.

Я очень ценю, что знаю — «как». Если не знаю «как», то нахожу, как решить ситуацию.

...В фильме «Любовь до смерти» главный герой, которого играет Андрис, приводит свою любимую во дворец, где они проводят ночь любви. Утром экскурсовод не может при виде разобранной царской постели. Съемки велись не в павильоне, а во дворце Марли. Андрис провел их так естественно и красиво, словно каждое утро его там будит кармадинер.

Когда я ему в разговоре заметила, что сейчас любить красиво в наших условиях практически невозможно и мне жаль тех юношей, которые сегодня встретили свою любимую (удивлены), и обрадовать ее — нужны немалые средства, он ответил:

— Когда у меня было мало денег, я покупал один цветок, но никогда не приходил без него.

Аполлону, конечно, легко рассуждать о трудностях у других, — не сдавалась я. На что Андрис упрямо: «Я вылепил себя таким сам...»

Анна ВСЕМИРНОВА.
Специально для «45».
Кадр из фильма «Любовь до смерти».

Санкт-Петербург.

УДОВОЛЬСТВИЕ БЕЗ ЗАЧАТИЯ

Предприимчивый врач Пракаш Котари, работающий в Бомбее консультантом по сексуальным вопросам, организовал первую международную конференцию по оргазму. Он собрал в индийской столице более 300 делегатов, среди которых были видные специалисты из Европы и Америки. На протяжении трех дней они обсуждали темы типа «оргазм — фантом», «оргазм в различных культурах», «сексуальное удовлетворение при трансплантации пениса».

Доктор Котари затрудняется точно указать момент, когда древний индийский культ сексуального удовольствия и полной непринужденности был потеснен страхом и излишней стыдливостью.

Важную роль в этом сыграла санскритизация, проводившаяся кастью браминов совместно с викторианскими колониальными хозяевами. В Дели и Бомбее и сейчас трудно встретить на улице пару, идущую в обнимку, и почти невозможно увидеть целующихся. «У нашей древней культуры было свободное разумное отношение к сексуальности, а в трактатах, утверждалось, что долг, деньги и секс — три компонента в жизни мужчины, которые он должен познать во всей полноте, прежде чем найдет успокоение в смерти», — говорит доктор Котари, представляя свои книги «Новое измерение оргазма» и «Общие сексуальные проблемы».

Еще 1600 лет назад Кама Сутра упоминала мастурбацию как «своебразную форму секса», говорила об искусстве пенисе, а искусство и архитектура Индии изображали сексуальность как прелюдию молитвы. Сейчас в условиях «подавляемой похотливости» удовольствие от секса во многом утрачено. Мужчины стали столь нелюбопытны в любовной игре, что большинству женщин приходится смиряться с половым актом как брутальным процессом».

Девиз, который 48-летний индийский врач предложил своей конференции, — «Удовольствие без зачатия». Его цель — помочь процессу планирования семьи и ограничения рождающей способности в Индии, где поныне многие боятся противозачаточных средств. За последние 25 лет население страны увеличилось вдвое и к 2000 году может достичь миллиарда, а еще через 30 лет опередить Китай.

Подготовила
Нина ДИАНОВА.
(Дели — Краснодар).

Учредители — Ставропольский фонд культуры и группа граждан России.

Главный редактор
Сергей СУТУЛОВ

Регистрационное удостоверение

Мининформпечати России № 1499.
Офис: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1,
тел. 3-18-94.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке ссылка на «45» обязательна.

© АО «45-я параллель»

Издательство «Ставропольская правда»
355045, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8.

Подписано в печать 20.04.92 Заказ № 494

THE LIBRARY OF CONGRESS
Обязательные номера «45»
поступают в
библиотеку Конгресса США.

ВИДЕОАУТОРЕНИНГ

Занятия ведет Наталья Цыбулько, директор ставропольского товарищества «Феникс» по проблемам биоэнергетического обмена в природе, член-учредитель Санкт-Петербургской ассоциации прикладной паранихнологии.

(В основе видеоАУТОРЕНИНГа — методика, разработанная ученым из Санкт-Петербурга Вадимом Поляковым).

Внимание. Рисунок заряжен. (Окончание. Цикл начался в № 20).

Я ощущаю, как целительное и защитное поле распространяется на мое физическое тело — оно исцеляет и очищает меня настолько, насколько мне удалось исправить и улучшить мои более тонкие тела.

Устанавливается мощная информационно-энергетическая защита от любых нежелательных психических воздействий извне и изнутри меня, от живых и неживых объектов. Эта защита проникает для любых добрых и светлых воздействий, для помощи на любых уровнях.

Мое физическое тело совершенствуется: очищаются все системы и ткани, нормализуются все жизненные параметры, образуются новые клетки тканей, восстанавливается восприятие мира (работа всех анализаторов), укрепляется нервная система, снимается нервное перенапряжение, улучшается самочувствие.

Я молодею, крепну, совершенствуюсь физически и духовно.

Я совершенно здоров, доброжелателен и готов к исполнению Божьей воли.

VICTORIA

С НАМИ
И С ВАМИ!

Арендное предприятие «Завод автоприцепов» предлагает свою фирменную продукцию — прицепы таких модификаций:
бортовые —
СЗАП-83571 грузоподъемностью 10 тонн;
СЗАП-83551 грузоподъемностью 8 тонн;
самосвальные —
СЗАП-8551 грузоподъемностью 8 тонн.

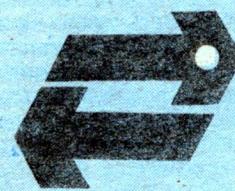

Адрес фирмы: Ставрополь,
проспект Кулакова, 18,
телефайп — 223250 «Белка»,
телефакс — 6-33-34,
телефоны: коммерческий
директор — 6-23-37
отдел сбыта — 6-29-49

Если вы еще не знаете названия нашего общества, то вам пора его узнать.

Мы — Акционерное Общество «ОПТРОН».

«ОПТРОН» производит и реализует: оптотиристоры, модули диодные, силовые, полупроводниковые, тиристорные, столбы диодные кремниевые, распределительные гаражные щиты, регуляторы тока, зажимы для автомобилей, детскую игрушку «Заяц», воду дистилированную в емкостях объемом 1 л., гильзы охотничьи 12-го калибра, изделия из металла.

Адрес: 355029 Ставрополь, улица Ленина, 431.

Телефоны: 607-96, 608-09, 607-92, 616-16

Факс: 609-32

Телекс: 223133 «МАЯК»

THE END